

коиться и отдохнуть. Надо полагать, что состоявшееся рѣшеніе было ему пріятно, потому что онъ въ эту субботу былъ очень веселъ и такъ бодръ, что даже собирался дѣлать визиты. Но ввечеру опять расклеился. Въ воскресенье была консультація въ 4 часа пополудни. Боткинъ удивлялся, какъ онъ еще на ногахъ, а не въ постели, — такъ онъ нашелъ его больнымъ. Но Милютинъ подтрунивалъ съ Заблѣцкимъ, который у него обѣдалъ, надъ врачами, что у нихъ вѣчно модныя болѣзни, — то разстройство сердца, то спинной мозгъ etc. Послѣ обѣда, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи Заблѣцкаго и жены, его хватилъ ударъ. Первое время думали, что Милютинъ его не переживетъ. Оттого мы учредили при немъ ночное дежурство, въ которомъ и я участвовалъ три ночи. Но непосредственная опасность теперь миновала, и нынѣшнюю ночь я уже къ нему не ѣздилъ. Наступило медленное оправленіе, на ходъ и результаты котораго я смотрю съ полною безнадежностью, чуть-чуть не съ отчаяніемъ. Врачи мало обнадеживаютъ. Два-три года искалѣченнаго существованія предстоятъ нашему другу. Вотъ что намъ отъ него остается. Не рассказываю тебѣ раздирающихъ душу подробностей о первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ этимъ страшнымъ событіемъ. Сколько потеряла въ немъ Россія и сколько — друзья Милютина, это ты знаешь. Я видѣлъ много слезъ на лицахъ, обыкновенно не плачущихъ. О себѣ лично и не говорю. Ты знаешь, что я его любилъ, — смѣшно сказать, — со всѣмъ увлеченіемъ молодой души и молодого сердца. Во мнѣ эта живая привязанность какъ-то убереглась отъ разрушающихъ лѣтъ изъ той эпохи моей жизни, когда все, и хорошее, и дурное, ощущалось гораздо живѣе. Милютинъ — параличный старикъ, не вполне владѣющій языкомъ и головой, — съ этой мыслью я не могу примириться и освоиться. Его потеря для меня — новая, тяжелая грань, отмежевавшая еще десятокъ лѣтъ жизни отъ наступившей старости. Невольно вспоминается съ особенной живостью другая утрата, десять лѣтъ тому назадъ, закончившая мою молодость; невольно сближаешь между собою оба лица и находишь между ними не одну родственную черту. Не оледенѣть подъ ударами судьбы, сохранить горячую вѣру, идти впередъ, оставаться вѣрнымъ своимъ обязанностямъ, несмотря ни на что, умѣть возбуждать большія привязанности и большія вражды, быть душою многихъ людей, невольно и съ радостью признающихъ надъ собою превосходство таланта, ума, обаянія честной натуры, — вотъ въ чемъ я безпрестанно нахожу сходство между Грановскимъ и Милютинимъ, при всемъ различіи ихъ путей, ихъ круга дѣйствія и общественнаго положенія.